

ВОСКРЕСЕНСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

№11

Спецвыпуск «НС»: газета Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова

НАШ КАЛЕНДАРЬ

27 сентября знаменитому романисту, нашему выдающемуся земляку Ивану Ивановичу ЛАЖЕЧНИКОВУ исполняется 220 лет со дня рождения.

Он родился в городе Коломне. Отец его был коммерции советник и один из богатейших коломенских купцов, ведший обширную торговлю хлебом и солью. И чтобы походить устоями на других торговцев, он вдобавок купил себе поместье в 23 верстах от Коломны – Красное Сельцо (Кривякино, теперь центр города Воскресенска). Поместье это было оформлено на имя хорошего приятеля Лажечникова, московского губернатора Обрезкова; на чужое имя, потому что купцам в то время воспрещалось покупать населённые имения.

МОИ МЫСЛИ

(«Вест. Евр.», 1807 г., т. 36, стр. 188 -191).

«Гордость – разумею, благородная – должна быть видна и в монархе, и в народе, для того, чтобы заставить себя уважать и страшиться, – в бедном и несчастном человеке, для того, чтобы заставить почитать добродетель и в рубище...»

«Кто не был несчастлив, не знает, что есть истинно наслаждаться счастьем; кто не видел ужасов бури, не ощущает живого удовольствия в ясную погоду; кто не был палим солнечным зноем, не знает, что есть прохлада тенистой рощицы и свежие струи ручейка кристального!..»

«Женщины любят страстно, ненавидят страстно, чувствительны до страсти; мужчины любят с хладнокровием, отвергают руку помощи с хладнокровием, убивают друг друга с хладнокровием...»

«Я шел по улице; израненная собака лежала в углу; на жалостные стоны пришла туда другая собака, и в ту же минуту начала лизать раны больной; не отошла до тех пор, пока не увидела, что ей стало легче. – Зверь чувствует сострадание, а человек просвещенный, с разумом, с сердцем?!..»

«Бедные и несчастные не могут найти себе друзей в знатных вельможах: ибо сии последние оказывают вспомоществование не из любви к ним, но из одного тщеславия – станет ли слабый цветок искать себе защиты от сильных порывов ветра подле величественного, гордого дуба? – Нет, он прижмется к такому же слабому цветку – и они крепко обовьются один около другого...»

«Красное Сельцо, – сообщается в автобиографии, – было настоящим Эльдorado того времени. Туда стекались дворяне уезда на приманку вкусных обедов с аршинными стерлядями, пойманными в собственных прудах, и двухфунтовыми грушами, только что сорванными в своих оранжереях. Все это приправляли радушие, ум, любезность хозяина и красота хозяйки, истовой красавицы своего времени. Офицеры Екатеринославского кирасирского полка, стоявшего в окрестности, толпились каждый день у гостеприимного амфитриона. Трехэтажный дом и такой же флигель не могли вместить на сон грядущий посетителей. Губернаторы, ездившие ревизовать губернию, делали несколько верст крюку по проселочной дороге, чтобы откусать хлеба-соли у радужного помещика-купца. Порядочный оркестр домашних музыкантов во время обедов услаждал слух гостей увертюрами из тогдашних модных опер».

«Когда мне минуло 6 лет, – сообщает Лажечников в автобиографии, – взяли к нам в дом гувернёра Monsieur Beaulieu, французского эмигранта, не походившего на своих собратьев-проходимцев. Он получил образование в Страсбургском университете, знал основательно французский и немецкий языки, на русском изъяснялся чисто. К нам в дом поступил он, кончив воспитание детей в доме князей Оболенских...»

В 15 лет Иван Лажечников написал «Мои мысли». Ниже предлагаем эту работу читателю, а также приглашаем любителей российской словесности в библиотеки города и района, чтобы ближе познакомиться с нашей знаменитостью.

«Какое различие между женщиной и царем персидским? Деспотическое правление первой основано на законах природы – то есть красоты, добродетели; а второго – на законах, установленных, с одной стороны, жестокостью, с другой – страхом. Как приятна и сладостна неограниченная власть первой, ибо она связывает смертных узами любви! Как несносно беспредельное могущество второго, ибо оно оковы-вает подданных тяжкими цепями тирани-ства!..»

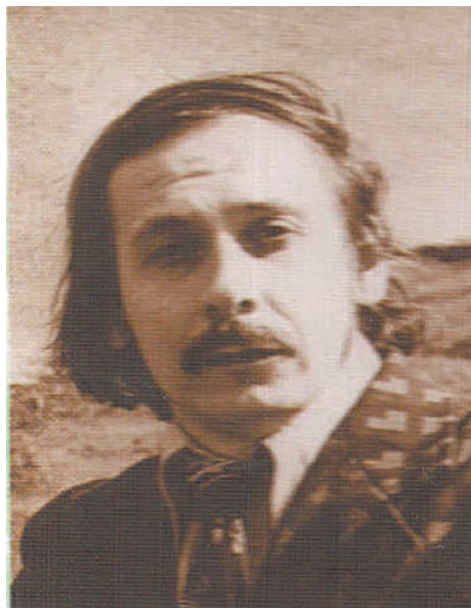
«Великий человек, прославившийся умом своим или мужеством, не может равнодушно взирать на людей, стремящихся на равную степень высоты; он старается заградить им путь к славе; он страшится разделить ее с соперниками своими; он желает, чтобы вселенная удивлялась ему одному, чтобы ему одному курила фимиам хвалы бесконечной... Таков ли великий муж? Нет, имя сие тому принадлежит, кто не знает зависти и самолюбия, кто приносит должную дань превосходным дарованиям и радуется от всего сердца, видя общие успехи, кто снисходительностью торжествует над своими соперниками. Он подносит каждому из них по венку – и в то самое время тысячи венков летят к ногам его»

И. Лож-в.
С. Кривякино.

Подпись «И. Лож-в» надо читать «И. Лажечников», ставшую затем «И. Лажечников»

Юрий БЕЛЯЕВ

Юрий Антонович Беляев – оригинальный мыслитель и взыскательный мастер слова. Он президент Академии российской словесности, доктор философии. Его перу принадлежат исторические драмы и повести, роман о студенческой Москве «Сны наяву» и много, много других историософических и мифологических трудов. Но главным призванием Ю. Беляева является поэзия. Он, как и наш земляк академик Григорий Осипов, внимательно относится к творчеству воскресенских литераторов, консультируя их и помогая обживать всё новые и новые пространства страны – Поэзии.

Отчизны край багрянец золотит.
Сердцам влюблённым всё посильно.
На трёх китах земля стоит:
Любовь, Поэзия, Россия.

Я учусь писать по слогам,
Я учусь открывать Америки,
И на солнце отыскивать пятна,
И чистить луну по утрам.
Я учусь
Видеть быть
В живописной легенде
И чувствовать сказку
В романах жизни.
Мир дробится на слоги,
Возникает из букв.
Я, постигший
Одну лишь азбуку,
К миру не буду глух.
Я учусь,
В этом счастье моё
И беда –
Вечно странником быть,
Вечно буквы искать во Вселенной.
Я учусь...
Вновь, как в первом классе,
Вновь букварь на парте:
В жизни нет
Выпускного класса.

СТРАНА СТИХОВ

Мечтая, взгрустну о Блоке.
О Русь!
Ты страна стихов.
И кажется облако
Одним из твоих стогов.

Читай стихи уныло,
Читай стихи пророком,
Чтоб тело ныло, ныло
От сладкого порока.
Читай
О голубой весне
И губках напомаженных,
О том,
Как жизни на весы
Кладём стихи бумажные.
Читай
О чёрном вороне,
Летящем на звезду,
И о звезде ворованной,
Закопанной в саду.

НАД БЕЗДНОЙ

Над бездонным провалом в Вечность,
Задыхаясь, летит рысак...
А. Блок

Для любовных утех
Не найти нам партнёра.
Нет достоинств у тех,
У кого жизнь – афёра,
А другие совсем тихи
И застенчивы до безобразия.
Им бы только читать стихи
Или спорить о судьбах Евразии.
Для любовных утех
Будет вечности мало,
Но останутся в памяти тех
Рысаки над бездонным провалом.

ЛЮБОВЬ

Любовь – это ночи,
Любовь – это дни.
Любовь – это очи
Одни...

ПУШКИНСКАЯ медаль «Ревнителю просвещения» учреждена Академией российской словесности в честь 200-летия со дня рождения великого русского поэта. Ей награждаются писатели, педагоги, работники всех видов искусств, внёсшие значительный вклад в развитие русского языка и литературы. В нашем районе такой высокой чести удостоена филолог, учитель немецкого языка лицея №23 (п. Белоозёрский) Юлия Михайловна КОРАБЕЛЬНИКОВА за переводческую деятельность, за редактирование книг, выходящих в издательстве «Известия». Искренне поздравляем одарённого педагога с радостным событием.

Андрей Лысенков

МОЙ ДУХ

В день суровой зимы в глубочайшей
из рек
В испареньях холодных, как в чаде,
Обо льды обрезаясь, тонул человек
И молил, и молил... о прохладе.

Леонид ДУДИН

Несмотря на врождённое творческое начало, в быту у Вячеслава Ивановича всё шло как-то не так. Всё шло шиворот-навыворот. Его жизнь на самом деле работала на отвержение. То его отвергали люди из ближайшего семейного окружения, конечно, кроме матери, незабвенной тётки Шуры, то он отвергал своих лучших друзей и товарищей. Он никак не ладил с жёнами, мог игнорировать друга своего, увлечшись очередным проходимцем, то развивал недостойные страсти вокруг достойного имени редактора газеты «Коммунист». Во всяком случае, не придерживался аксиомы: «Ищи причину в себе».

Вячеслав осознавал, что в нём дар-то божий всё-таки есть и, в общем-то, не стеснялся говорить об этом: он мог написать неплохую производственную статью, лирическое эссе, сделать работу по теории поэзии, как помним, «выдать» хорошее, даже замечательное стихотворение «Жить!», был приобщён к живописи, хорошо пел. Любил автодело. И всё время ему хотелось рулить, начиная с инвалидной коляски, «Запорожца», «Москвича» и до «Волги». Уж я не говорю о других современных средствах передвижения. И эти свойства человека, если их приложить к технике, совсем необходимы. Даже поощряемы. Но этого Вячеславу Ивановичу казалось мало. Ему захотелось «порулить» и людьми, на худой конец районной организацией инвалидов. Ему нужна была хоть небольшая, но всё-таки власть...

Познакомился я с Вячеславом Ивановичем совершенно случайно, не ведая ещё ни города Воскресенска, ни его творческого люда, хотя уже полгода жил в посёлке Белоозёрский. Оказалось, что мой армейский друг Юрий Петрушин из города Макарьева написал на имя районной газеты «Коммунист» письмо, в котором сообщал: «Поскольку мой товарищ живёт где-то не очень далеко от города, то у вас, газетчиков, есть возможность выйти с ним на связь». И вдобавок Юрий в мой адрес наговорил много хороших слов как о личности неординарной. Весть обо мне попала в отдел писем, в котором работал Вячеслав. Даже возглавлял этот отдел. Он прислал мне приглашение с необходимостью прибыть в редакцию. Мы созвонились, и встреча состоялась.

Я уже забыл подробности нашего первого свидания, но он так рассказывает об этом: «Поэзия связала нас более четверти века назад. Он (Дудин – Л.Д.) перешагнул порог моего дома после приглашения обсудить присланные в редакцию газеты строки первых на воскресенской земле своих поэтических произведений: уплотнённая редакционная жизнь не оставляла возможности долго говорить о достоинствах тех литературных творений, за которыми угадывался несомненно одарённый автор с чутким и образным мышлением, да

Он же – в центре пожара чуть не погиб
Средь пустыни палящего зноя.
И в тот час он поведал друзьям дорогим,
Что лишь хочет тепла и покоя.

Без единой заминки стремился он в бой
И с врагом, и с преградой любовью.
И пока не познал в этой жизни любовь,
Он не ведал ни страха, ни боли.

Чтоб в пучине жестокости не потонул,
Не сгорел от безверья людского,
Двери в сердце своё я ему распахнул,
Но он молча застыл у порога.

И тогда обернулся он духом моим,
Солью крови моей стал мгновенно.
Он не мал, но нам в теле не тесно двоим
И тонуть, и гореть ежедневно.

НЕБЕСНЫЙ ПЛОТ

По бескрайнему взморью студёного неба,
Как в тумане, плыл облака плот.
А земля опустела и обледенела,
Отрешилась от дум и забот.

Проведя свою жизнь в этом дрейфе
печальном,
Плот растаял в ночи без следа.
Неужели и мы рождены изначально
Только сгинуть во тьме навсегда?..

Плот не знал, что такое привязанность,
узы –

Жил одним притяженьем земным,
Не познал и ошибок тяжёлого груза,
И ничто не довлекло над ним.
Ни о чём не взгрустнул, уплывая навечно,

к тому же новой тематической направленности.

Сутки пролетели, как миг... Говорили о поэзии, прожитом и пережитом, о сокровенном. Позже родными для нас и наших семей стали наши дома, общими – друзья, близкими – родственники. Но больше роднина поэзия, литература, журналистика» (газета «Наше слово» от 05.08. 2003г.).

Я, без сомнения, многим благодарен Вячеславу Ивановичу. Во-первых, за то, что через него я обрёл таких замеча-

«КОГДА ТОБОЙ

тельных друзей в лице Анатолия Васильевича Сальникова – человека энциклопедических знаний, искренне преданного делу печати, своей родной газете «Коммунист»- «Наше слово»; Виктора Ивановича Лысенкова – талантливого литературоведа, знатока русско-советской классики; Михаила Чирикова – несравненного художника и истинного патриота воскресенской земли, незабвенного Анатолия Васильевича Ивлева – создателя многих прекрасных песен, в том числе и на мои стихи, и многих-многих других известных личностей города Воскресенска и района.

Во-вторых, частые встречи, споры о литературе и искусстве давали повод для написания некоторых заметных вещей. Увлечённый идеей создания квалифицированного сборника стихов и прозы людей с ограниченными физическими возможностями, я согласился работать в редколлегии «Доброе слово». Здесь я познакомился с людьми способными, имеющими творческие крылья и умеющими взлететь над неустойчивым бытием. Это для меня было откровением, а затем и глубоким смирением, что мне-то чего ещё надо: ты, слава богу, здоров, обеспечен и не стоит тебе жаловаться на судьбу, надо только радоваться каждым днём, который тебе дарован Всевышним. К тому времени Вячеслав Иванович был первым читателем моей прозы «Клюква-агода», «На речке Хмелёвке». Он поощрял и вдохновлял меня на многие и другие вещи.

Но что-то всё равно было не так. Он от чего-то главного уходил, старался скрыть свои коммерческие намерения, которые и беспокоили меня лишь с одной целью: не «подзалетел» бы мой друг на крупные суммы долгов. Окружение своё он представлял для чего-то многозначительно: «Это полковник из Москвы». – И добавлял: – «Бывший лётчик». Я-то знал, что всё это туфта, но ему зачем-то такая установка требовалась. Сидим, беседуем, вдруг: «Завтра ко мне приезжает юрист. Полковник». Вот эта навязчивая идея «полковников», якобы его консультантов по ведению дела, была настолько неприятна для меня, что я предложил дать ему в помощь

Ни о чём не вздохнул глубоко.
Почему на земле нам не жить так беспечно
И не плыть так воздушно-легко?..

Покрывая следами земные дороги,
Мы поймём: в небесах не прожить. –
Крепко держат свои и чужие тревоги
И не могут никак отпустить.

А над нами, стремясь в даль лазурную,
где бы

Отыскался покоя оплот,
По бескрайнему взморью студёного неба,
Как в тумане, плыл облака плот.

ГАЗЕТНАЯ КРОВЬ

Холод ровных столбцов я не в силах
нарушить.
Я читаю убийство, всё тело – в огне.
Только кровь из газеты мне капает в душу
И порывы, и чувства все пачкает в ней.
Как всё просто – до ужаса! Мощью пожара
Все надежды сожжёт жизни страшный урок...
Будто я заносу этот нож для удара,
Будто я, ухмыляясь, спускаю курок!

Никому не помочь, не спасти от расправы –
Словно я безучастно стою в стороне.
Лишь горячая горечь с осадком отравы
От бессилья со стоном вздыхает во мне.
Но внезапно затронуло и захлестнуло,
И от мысли проснулась глубокая дрожь:
Это будто в меня смотрит чёрное дуло,
Надо мною как будто заносится нож!

Строки время сотрёт, пожелтеет газета,
И забудется эта статья навсегда.
Только горе ещё будет долго жить где-то.

настоящих управленцев из своего круга. Но Вячеслав Иванович не согласился. Ему хотелось быть передо мной хорошим, правильным, независимым. Хотя дело, чувствовалось по всему, уже вольно или невольно шло к всевозможным подставам и злоупотреблениям. Он терял управление и по работе, и в личной жизни. Всё текло между пальцев необратимо, как песок в песочных часах. Особенно после того, как третья супруга, фактически коммерческий директор его же фирмы, неожиданно покинула дом Вячеслава Ивановича, очистив его, считай, до голых стен.

... Я приехал на ул. Спартака около девяти часов утра. Калитка половины дома, где жил Вячеслав Иванович, была на

ОТВЕРГНУТ Я...»

замке. Стучать не стал и пошёл на другую половину, где жили мать с отчимом. Дома был один отчим.

– Где народ-то, дядя Саша? – спрашиваю.

– Да на свадьбу уехали, – грустно отвечает отчим. – Меня вот тут сторожем оставили.

– Хорошо, что сторожем. Доверяют, значит... Далеко уехали?

– В Новороссийск. Внучка замуж выходит.

– Так радоваться надо, а ты грустишь.

– Тут не только загрустишь – заплачешь...

– Что уж так, «заплачешь», свадьба – дело весёлое.

– Выпить хочешь? – неожиданно прервал он мои успокоительные словеса.

– За молодых – почему бы и нет.

Дядя Саша достал с подоконника начатую бутылку самогонки и налил по стопке. Мы выпили, начали было разговор ни о чём. Но разговор ни о чём не клеился. Дядя Саша часто отвечал невпопад и на очередной мой вопрос о непонятной грусти неожиданно заплакал. Горько так, глухо, по-стариковски. Почти навзрыд. «Внучку Ярославу жалко, – утирая ладонью слёзы всхлипывал дядя Саша. – Внучку жалко... Домик для неё сделал...». Еле-еле успокоил его. Но рассказ его вперемежку со слезами был для меня тягостен и непонятен. Непонятен остаётся до сих пор, хотя, вроде бы, суть дела лежит на поверхности.

...На свадьбу к внучке в Новороссийск собирались все. В том числе и жена Вячеслава Ивановича с дочкой Ярославой.

И навеки загублена чья-то судьба.
И в душе незаметно назрела тревога:
А зачем я читал эту жуть, беспредел?
И неужто хотел, чтоб убийца не дрогнул?
Неужели я чьей-либо смерти хотел?!

КАК МНОГО ТЕПЛОТЫ...

Бывают дни, в тяжёлых размышленьях
Идти готов я хоть за сотни вёрст.
И мрачно неприкаян, словно тень я,
Но довести боюсь тебя до слёз.

Бывают дни, себе не доверяю,
В сомнениях гляжу на жизни путь.
Внутри себя все чувства затворяю,
Но ты всё видишь – и не прячешь грусть.

Как много теплоты в твоей печали,
Как взор твой нежен в хмурый час тоски...
Мы тягот и невзгод не замечали,
Друг другу становились вновь близки.

Твой взгляд ищу я всюду неустанно –
Он хочет поддержать и вдохновить.
И мне неловко и притом отрадно
Его в минуту трудную ловить.

Как много теплоты в твоей печали...
И ты заметишь, что я редкий льстец.
Друг друга от себя не отпускали
Взаимным притяжением сердец.

Твой образ силы дал в ненастный день
мне,

Твой голос вести добрые принёс.
К тебе я убегаю из сомнений
И возвращаюсь из-за сотен вёрст.
Как много теплоты в твоей печали...

Но перед самым отъездом передумала, сдав свой билет в кассу, мотивируя, что вот-вот для общества инвалидов ожидается привоз товаров из Москвы. Под этим благовидным прикрытием она, игнорируя свадьбу, без всяких подзвучиваний осталась с детьми на месте. Через день-два зашла к дяде Саше и предупредила, что, мол, поздно вечером к дому придут машины. Привезут товар на разгрузку. Будут, возможно, шуметь, но ты, мол, на этот шум не обращай внимания. Дядя Саша всё видел в ночное окошко, всё слышал и радовался, что, слава богу, работа идёт. И никак не подумал дядя Саша, что работа идёт в обратную сторону, что машины-то не разгружают, а, наоборот, нагружают всем тем, что находилось во второй половине дома, то есть, догадаться нетрудно, в половине дома Вячеслава Ивановича. Наутро дядя Саша зашёл посмотреть от любопытства, что же из Москвы привезла его боевая сноха. Но увидел в комнатах не товар для инвалидов, а голые стены. В прямом смысле – голые. Такими же безобразными увидел и эти стены, пол и потолок, после того как дядя Саша наплакался и поводит меня по местам «разбитого корыта».

Как остриём кинжальной стужи,
Вдруг полоснёт из бытия
Сюжет простой: «Кому я нужен,
Кода страной отвергнут я?..»

Вот тебе и страной. Пиши, Слава: «Женой, тобой ... это реалистичней. Ближе как-то. Страна никого не может отвергнуть». Вячеслав Иванович всё же послушался и написал: «Когда тобой отвергнут я?..».

Деваться было некуда.

НА ФОТО А.СУСЛОВА (слева направо): Владимир Дубровин, Евгений Кравченко, Вячеслав Самарцев.

Продолжение следует.
(Начало в прошлом номере «ВЛ».)

Людмила Чебышева

Людмила Леонидовна ЧЕБЫШЕВА родилась и живёт в городе Воскресенске. Член Союза писателей России. Награждена Золотой Есенинской медалью, дипломант литературной премии им. А.П.Чехова. Лауреат премий конкурсов «Воскресенск литературный», «65 лет Великой Победы». Автор поэтических сборников «Любви нечаянной глоток», «Свет души». Публиковалась в журнале «Поэзия», в антологии «Золотая строка Москвы», в литературно-художественных альманахах «Цветы большого города», «Воскресенск – моя Родина светлая...», «Белоберёзовый мир» и других периодических изданиях.

По образованию – экономист. Закончила Московский финансово-экономический институт.

Сегодняшняя публикация –

Ах ты, щёголь-соловей,
соловей-соловушка.
Закружилась у меня
от любви головушка.

Колдовскою красотой
май цветущий славится.
Как бы снова не пришлось
за грехи мне каяться,

Видно, вышло по судьбе
мне с любимым встретиться.
Оттого глаза мои
тихим счастьем светятся.
Соловья ли рядом трель,
тайная, желанная?
Да ещё в саду сирень
до беды дурманная.

Да у реки тишина
звонкая, кричащая,
Да бездомная луна,
в синеву манящая!

скромная дань уважения прекрасному человеку и поэту в день юбилея – 55-летия со дня рождения. Здоровья и счастья тебе, дорогая Людмила Леонидовна, новых творческих успехов.

Все твои друзья и коллеги по ЛИТО «Радуга» им.И.И.Лажечникова.

Звонче пой и веселей,
соловей-соловушка,
Пусть кружится у меня
от любви головушка.

Всё короче по жизни дорога,
И волнует сильнее тишина,
Без причины всё чаще

тревога,

И всё чаще, увы, не до сна.

В храм смиренно несусь
откровенья
И, усердствуя, Бога молю,
Подчиняясь всецело велению –
Зову сердца, чтоб душу мою
Не оставил в минуты веселья,
На поэзии крыльях неся.
Не оставил в час горький
успенья,
В час, когда позовут небеса.

В каких искать тебя туманах,
В каких дубравах вековых,
А, может быть, на тех полянах,
Где ночь делили на двоих?

Где ты, любимый мой,
плутаешь,
Какую грусть в душе таишь?
Никак меня не замечаешь,
Ко мне в объятья
не спешишь?

Лишь отзовись – к тебе
навстречу
Готова я, стремглав, бежать.
Не позовёшь – готова вечно
Любить, надеяться и ждать.

Дыханье росное лугов,
Ночного воздуха прохладу,
Сутулость стареньких домов,
Плывущих облаков громаду –
Всё в памяти своей храню.
И позабыть я не посмею,
Лишь потому, что я люблю –
И по-другому не умею! –

Свой дом родной, где
родилась,
Где будто в рай со скрипом
дверца,
Где выспаться могу я влады
И наконец-то отогреться.

Золотой прикрыла ризой
Осень все аллеи парка.
Где-то там за дымкой сизой
Норовит ворона каркать.

Где-то в даях, еле слышно.
А душа моя в тревоге.
Так уж в нашей жизни вышло –
Разошлись у нас дороги.

Чуда в жизни ожидая,
Встречи я с тобой искала,
А душа моя, страдая,
От бессилия устала.

Стрекоза над головою
Пролетела очень близко,
Мы когда-то шли с тобою
Этой тропкой серебристой.

В приозёрье прокричала
Чайка, ввысь взлетая плавно.
Тихо лодочка качалась,
Пошевеливая плавни.

Солнце, вздрогнув, внезапно
Покатилось вдруг вниз.
Так же будет и завтра,
Так проходит вся жизнь.
День сменяется ночью,
Ночь сменяется днём.
Как же важно по жизни
Быть с любимым вдвоём.

Одержимая страстью,
В дом удачу зову.
Ожиданием счастья
Я жила и живу.

Ни о чём не жалею
Всё, что было со мной.
И живу, как умею,
Не кляня мир земной.

Золотой нитью вышит
Старый клён под окном.
Пусть меня Бог услышит,
А прошу лишь о том,
Чтоб всегда мне хотелось
Беззаветно любить
И была чтобы смелость
Людям радость дарить.

Пусть берёзы России
Все в сиянии дня
Неуёмною силой
Вновь одарят меня.

Я хочу осчастливленной
чайкой
Высоко в поднебесье парить,
О любви своей чисто
случайной
С целым миром с высот
говорить.

Заглянуть осторожно
в окошко
И к тому, кто, на землю маня,
Называет меня милой
крошкой,
Дорогой называет меня.

Алексей Кулешов

Алексей Анатольевич КУЛЕШОВ живёт в посёлке имени Цюрупы. Пишет прозу. Литературой начал заниматься, ещё учась в техникуме, и продолжал в свою армейскую службу, публикуясь в газете Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск». Активный участник ЛИТО «Радуга». Он один из авторов альманаха «Воскресенск – моя родина светлая...» и наших литературных – страниц. Помня, что «краткость – сестра таланта», он предлагает читателю сжатые, но ёмкие по содержанию рассказы, эссе, зарисовки с приемлемой дозировкой юмористических и сатирических фрагментов.

доктора биологии Бабкину. Та заохала и заохала. Стали они вдвоём решать, что делать, тянут, тянут, не могут найти решение, что делать с репкой.

Позвали они на помощь молодого кандидата биологических наук Внучкину. Та моментально разобралась, что за проблема возникла. Провела на компьютере расчёты и ужаснулась. Выяснилось, что если этот процесс будет продолжаться, то все растения на земле, да и вся планета, превратятся в одну сплошную репку. Стали они втроём решать эту проблему. Тянут-потянут – вытянуть не могут.

Тогда решили Дедкин с Бабкиной позвать на помощь другого кандидата биологических наук Жучкина, хотя Внучкина была против того, чтобы его привлечь. Обижена была Внучкина на

него тем, что недавно, на ученом совете, Жучкин её облаял, но, в конце концов, всё-таки согласилась. Взяться они за работу все четверо. Жучкин весь огород перепал, все корешки на анализ взял. Тянут-потянут, но вытянуть не могут.

Решили тогда позвать на помощь начальника лаборатории Кошкину. Правда, Жучкин не соглашался, не любил он Кошкину. Всем рассказывал, какая Кошкина подлая. Вроде она ласковая, нежно мурлычет, а на самом деле готова всем глаза выцарапать. Но Дедкин настоял на принятии её в коллектив. И взялись они за это впятером. Кошкина, у которой были экстрасенсорные задатки, стала над репкой в огороде что-то шептать и руками водить. Ничего не помогает. Как ни тянут, вытянуть не могут.

Решили пригласить на помощь лаборанта Мышкина. Но против его кандидатуры выступила Кошкина. «Чем, – говорит, – может нам помочь эта «серость», у которого высшего образования нет, школу – и ту с трудом закончил!» Посомневались немного, но всё-таки пригласили Мышкина. Мышкин тут же заявил: «Так это же проще пареной репы. Клином клином вышибают. Необходимо изменить генетику этой репки, превратив её в обыкновенную репку».

Тут же дружно взялись они за дело шестером. Дедкин формулы составляет. Бабкина за Дедкиным их решает. Внучкина за Бабкиной все её расчёты в

компьютер вводит и на принтере распечатывает. Жучкин за Внучкиной, по этой распечатке, все нужные компоненты подбирает. Кошкина за Жучкиным все эти компоненты смешивает. Мышкин за Кошкиной всю эту смесь на огород и репку поливает. Тянули-тянули они шестером и вытянули. Перестала расти генетически новая репка, превратившись в обыкновенную, отодвинув на время глобальную катастрофу.

Сказка – ложь, да в ней намёк, академикам урок.

ТРУБА

Из-за кромки леса медленно и красиво поднималось солнце. От его косых лучей на густой траве у обочины дороги ярко сверкали капельки росы. Смолики ночные трели соловьёв. Проснулись в окрестных дворах петухи и затели свою смелую переключку. Распахнуло настужь объятья погожее субботнее утро.

Мой давний знакомый Фёдорович собрался навестить свою дочку, которая вышла замуж и проживала со своим мужем в Москве. От поселка имени Цюрупы до железнодорожной станции Конобеево надо ехать на автобусе, а потом на электричке до города.

На автобусной остановке возле ткацкой фабрики уже толпился народ.

В то время, а это были далёкие

семидесятые годы, многие в выходные дни отправлялись в Москву, чтобы купить колбасу и другие продукты.

В местных магазинах были полупустые полки. Подмосковные жители, да и жители близлежащих городов, заполняли битком московские электрички. Так решалась в то время продовольственная программа. Возвращались они с полными сумками в тесно набитых вагонах. Ходила в народе такая загадка: «Что это такое: длинная, зелёная, с красной полосой, пахнет колбасой?». Жители Калуги отвечали: «Это электричка Москва – Калуга». Жители Рязани: «Электричка Москва – Рязань». Воскресенцы: «Москва-Шиферная».

Наконец оказался долгожданный автобус. Все приготовились к посадке. Народу было явно больше, чем он мог вместить в себя. Автобус почти остановился. В это время Фёдорович громко закричал: «Смотрите, смотрите! Начали! Трубу фабричную передвигают! Трубу!.. Начали! Вира!..». Такое зрелище не мог пропустить никто. Все как один повернулись и уставились на фабричную трубу.

Фёдорович спокойно пролез в открывшиеся двери автобуса и занял самое удобное место. Тут народ и понял, что их здорово надули, и, давясь от хохота, стали садиться. Никто не обиделся. А сосед, похлопывая Фёдоровича по плечу, всё не унимался: «Ну ты и выдал, ну и наколол нас... Надо же! Ну и наколол...Ну и выдал...».

РЕПКА

Посадил Дедкин репку. А поскольку он был академиком и возглавлял НИИ биогенетики, то посадил репку не простую, а генетически новую. Выросла репка большая-пребольшая. Стал Дедкин эту репку выдёргивать, но не тут-то было. Корешки разрослись по всему огороду и уже стали генетически изменять, превращать в репку другие корнеплоды: и свёклу, и морковь, даже картофель этот процесс затронул.

Испугался Дедкин и позвал на помощь своего заместителя,

Людмила МОСКВИЧЁВА

Родилась и живёт в городе Воскресенске. С 1 по 10 класс училась в гимназии №1. Выпускница школы №4, где обучалась в 11 медицинском классе.

Со школьной поры осталось немало грамот за участие и победы в различных конкурсах, олимпиадах, соревнованиях. Увлекается рисованием, музыкой, лёгкой атлетикой, спортивно-эстрадными танцами. Студентка Российского государственного медицинского университета им. Н. И. Пирогова. Печаталась в альманахе «Ручейк».

«Интересно, а там есть солнце?» – думала маленькая девочка лет шести, прячась от холодного осеннего ливня под невысоким навесом газетного ларька. Она сидела на грязном асфальте, обнимая мокрые, в рваных штанах, колени. Струйки воды стекали с потемневших волос на плечи, к окостеневшим от холода пальцам и, змейками проползая между ними, падали на сырую землю.

«Там, скорее всего, есть солнце. Мама говорила, что там всегда светло... значит, оно есть...». Девочка красными, опухшими от болезни глазами провожала прохожих, которые, укрывшись чем попало, суетливо прятались от дождя под любой свободный козырёк.

Ливень не утихал. Ветер пробирал до костей. Был только вечер, но из-за чёрных туч, обложивших далёкое небо, тьма поглотила город раньше обычного. Тусклый свет лился из маленьких окон дома, прилегавшего к ларьку. Холодное тепло излучали высокие фонари, вывески магазинов и мельтешащие фары легковых автомобилей, то осторожно крадущиеся, то рискованно и быстро скользящие по сырому покрытию близкой дороги.

Девочка сидела тихо, слегка покачиваясь взад и вперёд от озноба, охватившего всё её тело, изредка холодной ладонью вытирая воду с лица. Старые, грязные тряпки, когда-то служившие одеждой, не защищали ни от дождя, ни от ветра.

«А там, наверное, сейчас тепло... и птички поют...», – крутилось в усталом мозгу девочки. От холода стучали зубы, при-

кусывая онемевшие, бледные губы.

Полтора года назад семья переехала в этот город. Отец получил работу на местном заводе. Радость, надежды на лучшее. Мама, измученная болезнью и тяжелой жизнью, проводила

СОЛНЦЕ (рассказ)

всё время с дочерью. Жили в скромной квартирке, в забытом всеми тихом районе, где кроме кошек и собак редко кого-нибудь можно было встретить.

Новый город, чужие лица, другая жизнь. Через месяц отец потерял работу. Начал пить. Денег в доме почти не было. Как-то вечером, избив охранника, отец ограбил по пьяни магазин. Он пришёл домой и долго ругался с мамой. Через несколько дней его увезли. Посадили. Мать вскоре скончалась от инсульта. Последняя капля. Больше никого не осталось.

«Интересно, а там бывает дождь? – думала девочка, глядя через потоки падающей воды в грозное небо. – Наверное, нет...».

Мимо, прячась от дождя под большим черным зонтом, быстрым шагом прошел человек в дорогом сером костюме. Этот некто показался сидящей девочке очень высоким. Он заметил ее и остановился. А потом, бросив на маленькое дрожащее существо брезгливый, полный отвращения взгляд, продолжил путь. Проводив его наивными, недоумевающими глазами, девочка пришла к груди колени

и опустила к плечам голову, превращаясь в небольшой живой комочек, переживая порыв ветра. Она закрыла глаза и на мгновение забылась.

Громкий раскат грома и яркая вспышка молнии вернули малышке сознание. Мелкие, соленые капли пота выступили на горячем лице. Начался жар.

«Там, наверное, тоже есть ночь, когда все спят...», – точно в бреду прошептала девочка, выпрямляя маленькие мокрые ножки и опираясь спиной на серую холодную стену ларька.

«Мама меня там ждёт, – закрыв глаза, тихо говорила она. – А там тоже видны звёзды? Будем опять смотреть на них из окна... а потом я лягу спать, и мама, как раньше, поцелует меня на ночь... мне приснится какой-нибудь добрый сон... а утром я проснусь и снова буду с ней... и всё будет хорошо... и будет светить большое тёплое солнце... Но всё же, есть ли оно там?..»

Обессилив и тяжело дыша, де-

вочка повернула голову в сторону дороги и открыла глаза. Вокруг стало ещё темнее. Дождь начинал утихать и моросил, неприятно, будто ёлочными иглами, падая на вытянутые голые ножки.

«Надо идти», – неожиданно решила девочка. Неловко поднимаясь, она убрала растрёпанные, сырые волосы за уши и по холодным, мутным лужам пошла к остановке. Неумолимый, болезненный жар дал о себе знать: голова начала кружиться, в глазах стало темнеть. Девочка шла, ничего не видя, тёрла сложенными в кулачки пальцами глаза. Немного пошатываясь, незаметно для себя и нескольких человек, находящихся на остановке, вышла на тёмно-серую широкую ленту дороги. Она остановилась и продолжала тереть глаза, словно пытаясь выгнать из них ночь. Подняв ресницы и всматриваясь мутным взглядом, девочка увидела приближающийся к ней яркий растущий огонёк, превращающийся в большой жёлтый шар. Подняв руки вверх и радостно улыбаясь, она со всем своим детским восхищением последний раз вскрикнула: «Вот же оно! Солнце!»...

Владимир ЛОБКОВ

Стихи Ахматовой открыл я,
Как ларец,
Они дыханьем близким
Вечера прекрасны,
Но мысли между строк
Порой опасны
Для юных озадаченных
сердец.

В них есть и сон, и звездопад
Огня живой,
И Царское Село,
Где жил когда-то гений,
И мысли между строк
полны сомнений:
«Как лучше: что не стала
я женой?..»

И снова в кухне откровенный
Разговор,
И в сердце кротком боль,
И кто-то виноватый,
И мысли среди строк
полны утраты,

Лобков Владимир Фёдорович родился в 1954 г. в городе Воскресенске.

С 1961 по 1971 годы учился в общеобразовательной школе № 6.

После окончания школы в 1971 г. поступил в Первый Московский медицинский институт им. И. М. Сеченова. С 1977 года работает врачом. Проживает в посёлке им. Герцена Одинцовского района Московской области.

Но то ещё не смертный
приговор.

Душа и тело
На сыром ветру расстались,
И мысли навсегда
Для вечности остались.

Торопятся все на работу,
Машинный на улице гуд...
Мужья тянут руки к капоту,
На помощь им жёны идут.

А кто-то идёт лесопарком,
Но зорко идёт – начеку.
Быть может, он трудится
в жарком,
А, может, в холодном цеху.

Старушка гуляет с собакой,
А дворник нашёл чей-то мяч...
И кошки на мусорном баке,
Как новые русские с дач.

ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ

7 СЕНТЯБРЯ — 140 лет со дня рождения Александра Ивановича КУПРИНА (1870-1938), писателя. Родился в селе Наровчат Пензенской губернии. Получил военное образование.

Первым литературным опытом Куприна были стихи, оставшиеся неопубликованными. Первое произведение, увидевшее свет, — рассказ «Последний дебют» (1889). Далее пошли знаменитые «Поединок», «Олеся», «Гранатовый браслет», «Молох» и другие, которыми зачитывался весь просвещённый мир.

13 СЕНТЯБРЯ — 75 лет со дня рождения Альберта Анатольевича ЛИХАНОВА (1935 г.р.), писателя. Произведения А. Лиханова — писателя талантливого, глубокого — щедро дарят уроки порядочности, бескорыстия и бесстрашия. Дети в лихановских повестях о войне — активные «действующие лица», патристическими сердцами своими, а порой и поступками участвующие в героической битве народа. Они пробуждают рыцарство, духовность, способность преодолевать тяготы и страдания.

11 сентября в МУКЦ «Усадьба Кривякино» состоится первое после каникул собрание членов ЛИТО им. И.И. Лажечникова. Иметь при себе готовые к анализу материалы в отпечатанном виде. Начало в 11 часов.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Л.А. Дудин (редактор), В.И. Лысенков (зам.редактора), М.И. Горидько, В.Н. Дубровин, О.А. Новикова, А.В. Сальников, Е.Б. Юрова.

Людмила ЛУБАШЕВСКАЯ

Я хотела, как все,
Быть песчинкой укрытой,
И под солнцем своим
Незаметно прожить,
Но зачем-то Господь
Дал мне белые крылья,
Чтоб могла над землёю
Летать и кружить.

Людмила Владимировна Лубашевская родилась в городе Шостка в Украине. В 1965 году семья переехала в г. Воскресенск. Закончила МИИТ. Работала на железной дороге заведующей грузовым двором, мастером погрузочно-разгрузочных дорог. Стихи писала со школьных лет «для себя». Затем стала выступать перед своими друзьями и перед другими. Печаталась в газете комбината «Красный строитель». Посещает занятия ЛИТО им.И.И. Лажечникова, где и были предложены её работы для публикации в «Нашем слове».

С высоты видно всё:
Где смеются, где плачут,
С высоты мне видней,
Где гора, где обрыв.
С высоты я увижу,
Где прячется счастье,
Оценю по-иному
Душевный порыв.

В каждый дом я могу
Заглянуть невидимкой,
Принести в каждый дом
Я могу благодать,
Чтобы люди друг другу
Дарили улыбки,
И старались друг другу
Надежду подать.

Сказать так легко нам:
«Здравствуй!»,
Зная, что снова придём
К морю сегодня и завтра
И парус любви найдём.

Так же легко
«До свиданья!»
Полушутя говорим,
При этом до основания
Сбросив красивый грим.